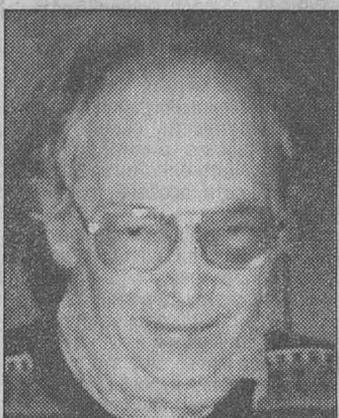

Александр ГИНЗБУРГ:

Сегодня я не вижу тех, кому можно ставить памятник

Имя известного диссидента Александра Гинзбурга вошло в энциклопедии. Многим он знаком как многолетний политобозреватель эмигрантской газеты «Русская мысль». Еще памятны те времена, когда за одно ее чтение можно было угодить в тюрьму, но с 1992 года газета печатается и в Москве — это его заслуга. Полгода назад в газете произошел конфликт — с этого и началась наша беседа с А. Гинзбургом.

— В октябре 1997-го редактор Ирина Иловайская уволила шестерых сотрудников: меня, зам. главного редактора Арину Гинзбург, Нину Некипелову, Виктора Сорокина, Андрея Кривова и Инну Ракузину. Почти все — бывшие диссиденты.

— Каково объяснение увольнения?

— Формально: «трудное финансовое положение». Однако за полгода до увольнения стал выходить «Церковно-общественный вестник» — многостраничное приложение-вкладка в «РМ».

Последние полтора года во главе газеты реально стоит московский священник Иоанн Свиридов, многолетний сотрудник отдела внешних сношений Московской патриархии — структуры, знаменитой связями с КГБ.

Печататься в «РМ» о. И. Свиридов начал с 1994 года и очень быстро был введен в редколлегия. Затем стал главным редактором упомянутого «Вестника», в котором, представляете, открытым текстом поливались грязью авторы «РМ»: старейший прозаик, многолетний лагерник Олег Волков, священник Зарубежной православной церкви о. Михаил Ардов... Мы, конечно, не могли с этим мириться.

— А какой должна, по-вашему, быть «Русская мысль»?

— Мы уже давно говорили, что газете пора меняться. Но она не может стать российской — у нее нет здесь ниши, даже как у церковной. Зато есть место среди западных газет о России. Когда полвека назад создавалась «РМ», это была газета эмиграции. За-

тем, лет 15 назад, стала зарубежной газетой о России, и ее стали называть диссидентской. С тех пор многое в России изменилось.

Сегодня, к сожалению, газета стала не просто церковной — сектантской (не имеем в виду баптистов или кого-то еще). Когда внутри церкви идет борьба между некими группами священников за влияние на патриарха — это, я считаю, есть чистое сектантство. «РМ» и стала газетой одной маленькой группы священников. И они решили, будто для выпуска подобной газеты достаточно выгнать из нее шестерых сотрудников.

— Возвратитесь в «РМ», если суд признает увольнение незаконным?

— Это все равно, что уйти из «Московских новостей», а вернуться в «Завтра». Восстанавливаться в «РМ», которая, скажем, без серьезных комментариев печатает интервью с православным фашистом Касимовским, я не могу, и другие тоже.

— Что собираетесь теперь делать?

— Хочу делать свою газету. Ведь нас потрясающе выгнали — полным составом новой газеты, единомышленников. И мы готовы выпускать еженедельник — аналитический взгляд Запада на то, что происходит в России. Ведь «РМ» не успела сделать всего, что была должна, — вернуть в страну культуру, сохраняющуюся в зарубежье. Тема культуры России на Западе и останется нашей заботой.

— Не утихают споры о диссидентстве. Что вы об этом думаете?

— На Западе ничего не изменилось, начиная с 1871 года, с Парижской коммуны, — их интеллектуалы со своим делом справляются. Что же касается интеллигенции здесь, то у нее всегда была некая нравственная основа, закваска. Теперь она быстро меняется, и не всегда в лучшую сторону. Люди стали гораздо прагматичнее. Но прагматизм разлагает изнутри, не дает расти.

Недавно я был на премьере фильма о генерале Петре Григоренко (он в 1961 году в одиночку выступил с критикой нарождавшегося культа Хрущева). Среди военных Григоренко был интеллектуалом, занимался кибернетикой, но главное — был интеллигентом. И потому про него можно снимать кино, ставить ему памятник. Сегодня же я не вижу тех, кому можно ставить памятники, и у меня ощущение, что Окуджава был одним из последних.

— Какой же видится вам сегодня роль вашего поколения?

— Посол во Франции Юрий Рыков сказал про меня: «Алик — моралист». И он, наверное, прав. Моралист — что-то такое недействительное. Нам не надо лезть во власть. Сейчас не наше время. Мы можем писать, еще что-то делать. Нашему поколению повезло. По крайней мере некоторым. До нас, наверное, только тов. Сталину удалось еще при жизни попасть в учебники истории. Хотя учебники всегда врут, и сейчас тоже. Меня, например, называют поэтом, хотя я в жизни не написал ни одного стихотворения.

— Что более всего коробит в российской действительности?

— Очутившись на Западе, я довольно быстро понял, что удача — когда рядом с властью красивые женщины. Как только к власти придет какая-нибудь Ирина Хакамада, буду считать, что все идет нормально. Но до сих пор мы видим: у власти стоит секретарь обкома (хотя жена у него симпатичная, я ее знаю и мне нравится, как она реагирует на разные человеческие ситуации). Дело даже не в том, что у власти недостойные. Скажем так, не те, в которых мы бы влюблялись. Во Франции, например, в президента Ширака влюбляются. Чего не хватает нашей власти — так это эстетики.

Ульяна НИКОЛАЕВА.